

Евгений Беляков

КРЫМСКАЯ ТЕТРАДЬ

Мысли о теории Ноосферы

Евгений Беляков
Крымская тетрадь. Мысли
о теории Ноосферы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42224701
ISBN 9785449658135*

Аннотация

В книге – попытка соединить законы диалектики сверхсложных систем и теорию Ноосферы, созданную великим российским ученым Владимиром Вернадским. Сжимающаяся спираль Эволюции, генетическая память, ее предчувствие в русской поэзии Серебряного века, будущее Ноосферы и человека в ракурсе истории нашей планеты – вот некоторые из затронутых тем.

Содержание

1. Что есть диалектика и с чем ее есть?	5
2. Сверхсложные системы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Крымская тетрадь

Мысли о теории Ноосферы

Евгений Беляков

© Евгений Беляков, 2019

ISBN 978-5-4496-5813-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В центре книги попытки ответа на фундаментальные вопросы о «едином» и «многом», о человеке и ноосфере, о диалектике жизни, о смерти и бессмертии... Кто мы? Откуда? Куда идем? Вот о чем книга.

Автор – журналист, математик, автор методик и книг по педагогике, литературовед, историк, философ – иными словами, представитель немногих в наши времена ученых-энциклопедистов, в просторечии несправедливо называемых «дилетантами».

1. Что есть диалектика и с чем ее есть?

Взгляд на Ноосферу, развиваемый мной в этой книге, – взгляд диалектика. Слово «диалектик» не нужно понимать в смысле приверженца какой-то секты или будто это член тайного ордена, тем более не нужно ограничивать сферу диалектического мышления марксизмом-ленинизмом. Главный диалектик в истории философии (Г.Ф.Гегель, 1770—1831) о Марксе, тем более о Ленине ничего не знал. Как я думаю, это слово нужно воспринимать по аналогии со словами «математик», «ботаник». Говоря коротко, я хочу показать, что диалектика – это часть науки о сверхсложных системах.

Но сначала попробуем поговорить о некоторых логически «более ранних» вопросах:

Существует ли такая наука – диалектика? Является ли диалектика наукой? Действительно, вышеуказанная аналогия «работает», поскольку есть науки математика и ботаника – предполагается, что существует и диалектика, но так ли это?

Ответ на эти вопросы не прост. С одной стороны, как я хочу показать, да, существует, да, является. Но, с другой стороны, это новая, необычная наука, во многом складывающаяся лишь в XX веке. Хотя в ней применима математика, хо-

тя ее истоки и корни уходят вглубь столетий и даже тысячелетий (так как диалектика – одна из самых первых наук на земле), даже в наше время диалектика не может считаться сложившейся наукой. Возможно даже – она относится к такому классу наук, которые никогда не могут «сложиться», всегда только начинаются и начинаются. Это напоминает ребенка, который никак не может сложить, свинтить какую-нибудь игрушку из деталей конструктора. Чуть начинают проступать контуры, он ее сразу же и ломает.

Дело в том, что диалектик имеет дело со сверхсложной системой, то есть с такой, которая по сложности сравнима с ним самим. Однажды с маленькой обезьянкой проводили опыты: ученые хотели узнать, как высок уровень ее сообразительности. Но так как обезьянка не хотела решать предлагаемые ей задачи (достать банан палкой) в присутствии ученых, то они ушли и оставили ее одну в комнате. Дверь закрыли. Ученые стояли, курили, разговаривали. Затем один из них заглянул в замочную скважину. И увидел глаз. Тут он понял, что маленькая обезьянка все это время изучала ИХ. Когда ученый занимается изучением сверхсложной системы, она может заниматься изучением ученого.

При этом возникает своеобразный аналог принципа неопределенности в квантовой механике. Об этом прекрасно написал в одной старой статье Дж. Уолд: «Как при взаимодействии с зондирующим фотоном нарушается состояние электрона, точно так же взаимодействие с экспериментато-

ром может нарушить состояние испытуемого. Любое вторжение во внутренний мир личности приносит нечто новое. Никто не может изучать личность, существенно ее не изменяя». Уолд рассказывает, в частности, об одном психологе, который разработал целую «батарею» тестов на утомление, потом довел испытуемых путем семидесятичасовой нагрузки до утомления, даже до зверского раздражения, но тесты так и не показали ничего. «Дело, видимо, в том, – отмечает Уолд, – что в процессе испытания создавалась новая ситуация, рассеивающая утомление». Может быть, предположу я, опыты проводила симпатичная лаборантка? В результате «лучший и, пожалуй, единственный способ узнать, устал кто-нибудь или нет, – приходит к выводу Уолд, – это спросить его об этом». («Наука и жизнь», №1—2, 1967 г.).

«Квантовый» характер сверхсложных систем проявляется при увеличении сложности. Можно предполагать даже, что сверхсложные системы в принципе не могут быть познаны «до конца», что для них действует аналог принципа неопределенности Гейзенберга: в каждой сверхсложной системе есть непознаваемая часть, то есть такая «зона», о которой не то что ничего нельзя ответить, но даже и спросить невозможно, так как закрыты на замок проходы к самой возможности формулировки вопроса (не видно «бинарности»). Это что-то напоминающее «вещь-в-себе» Канта... Мне думается, именно к этой «зоне» применим термин «материя» (или «естественное», то есть совершенно нетронутое

человеком, «объективное» бытие). С другой стороны, квантовомеханическая система – уникальный пример «простой» системы (по той причине, что она изучена, хотя кто бы не назвал простой?), проявляющей свойства сверхсложной.

И еще о терминах.

Часто употребляют термин «сложная система». Я предпочитаю говорить о сверхсложных системах, потому что исследователь и пользователь не может в принципе подступиться к границам ее сложности, исчерпать ее. Так, например, зеркало не может полностью отразить само себя: сложности человека не хватит, чтобы вместить также сложность, например, другого человека – поэтому «другая душа всегда потемки».

Предметом диалектики являются сверхсложные системы, их поведение и контакт с другими сверхсложными, просто сложными и простыми системами.

Древние знания о сверхсложных системах в наше время тесно смыкается с современным подходом, когда строятся математические модели сверхсложных систем. Познание на уровне «простых моделей» (которые, хоть и «простые», могут задаваться головоломными уравнениями!) существенно отличается от концептуального познания, когда предмет изучения является целая область мира или мир в целом. Но и в наиболее крупном, философско-мировоззренческом масштабе действует те же самые закономерности, так как крупные зоны исследования сами – сверхсложные систе-

мы. Вот почему я считаю, что философия (как онтология, так и гносеология) не могут обойтись без диалектики, науки об общих закономерностях движения сверхсложных систем.

Не ЛЮБОГО движения, как писалось в советских учебниках! Хотя, если под развитием понимать лишь движение сверхсложных систем, то было бы естественно сказать, что диалектика – наука о любом развитии. И это будет верно.

Скажут: нужно ли вообще заниматься такой наукой, которая изучает прогресс? Не нужно ли запретить такую науку, как запрещена в некоторых странах генная инженерия? Совсем ведь не случайно диалектику использовали в целях самооправдания политики с нечистой совестью.

Раздвоение единого трактовалось как необходимость, как естественно-историческая предпосылка насильственной революции. При этом «синтез», которым заканчивались все триады Гегеля, назывался «соглашательством», «примиренчеством», «оппортунизмом», «пораженчеством» и еще неизвестно чем. Всеми плохими словами. И надо всей этой интеллектуальной вакханалией реяло красное знамя метафизического идеала. Скрывалось, что по самой сути диалектики идеал недостижим, говорилось максимум о десяти-двадцати годах страданий во имя бесконечно идеального мира будущего.

Любой исторический «идеализм» (имеется в виду конструирование утопий, идеальных обществ) обладает – и это и объясняется диалектически: как необходимое проявление

«второй стороны медали» – следующим опасным и даже страшным в некоторых исторических условиях свойством. Он побуждает одних людей манипулировать другими во имя высоких идеалов, которые сам же и утверждает. Такая практика основана на обмане и – часто – страхе, который поддерживает этот обман. В результате, чем выше идеалы, тем, как правило, ужаснее практика, которая, как утверждается, есть средство для их достижения. Фактически идеологическая манипуляция при социализме стала новой формой эксплуатации людей. И социализм разрушился тогда, когда эта система перестала работать, когда идеологи окончательно запутались в своих лозунгах, и даже простой шофер мог за просто уличить их во лжи.

Конечно, НУЖНО писать на своих флагах лозунги о заботе о будущих поколениях (например, разве не правы экологи?). Но дело в том, что вот сейчас и здесь страдают вполне реальные люди, и нашим долгом является немедленно прекратить или уменьшить эти страдания. Идеология, которая думает о будущем, забывая о живых людях – порочна. В особенности порочной она становится в тот момент, когда от «забывчивости» переходит к тому, что приносит эти ныне живущие поколения в жертву будущим. Уроком для всех людей должен быть тот факт, что этого счастливого будущего, ради которого приносилось столько ужасных жертв, в обещанные сроки так и не наступило.

И все-таки история диалектики не должна быть причи-

ной ее игнорирования и запрета. Светлые идеалы не виноваты, что люди использовали их в своих собственных целях. Нельзя отказываться от идеалов, если не хочешь, чтобы жизнь превратилась в удовлетворение животных потребностей: еда, секс, сон. Требуется найти ту единственную тончайшую как лезвие бритвы траекторию, при которой соизмеряются цели с учетом вероятности их недостижения и средства, будущее и настоящее.

Чем выше идеалы, тем больше зла они могут принести, если воспринимать их недостаточно разумно и критично. «Опаснейшей из всех зараз, мечтой врачует мир Россия...», – писал в двадцатые годы Волошин. Но это не значит, что теперь нужно отказаться от мечты и прогнозирования. Просто нужно быть гораздо **ОСТОРОЖНЕЕ** в обращении с ними как в политике, так и в быту. Диалектики прошлого, возможно, сами не осознавали масштаба творящихся в соответствии с их теориями преступлений. Они считали их исторически оправданными и необходимыми. И это не могло не отразиться на их философских взглядах. Что необходимо иметь в виду.

2. Сверхсложные системы

Развитие физики в начале 20-го века привело исследователей к ясному пониманию практической НЕИСЧЕРПАЕМОСТИ материи, предмета исследования. Примерно такую же сложность обнаружили и в социуме.

Постепенно возникала системная парадигма (научная «школа»). Возникло понятие сверхсложной системы. Наиболее серьезное открытие двадцатого века состояло, возможно, не в открытии атомной бомбы, не в открытии компьютера и не в доказательстве теоремы Ферма. В конце 20-го века человечество в лице ученых прикоснулось к новой реальности, к новому миру – к сверхсложным системам – и осознало тот факт, что оно в данном случае имеет дело с чем-то принципиально новым. Хотя в частных, конкретных случаях речь всегда шла о вещах, казалось бы, очень известных и давно знакомых.

Примеры сверхсложных систем: общество, экологическая система, АЭС, многоярусная конструкция в невесомости, экономика, организм, психика, этнос, город, планета («глобус»), космос, бактерия, общество в целом, конкретная цивилизация, атом, Солнечная система, тексты, парадигмы, крупные теории в науке и т.д. . .

Всем этим «объектам» свойственна высокая степень разнообразия структуры и составных частей – подструктур

и элементов. Кроме того – взаимосвязи между этими частями несут, как правило, нелинейный, сверхсложный характер.

При общении со сверхсложной системой стали даже возникать своего рода «кодексы», которые можно было бы назвать этикой общения со сложными системами. Есть все основания полагать, что величайшая техногенная катастрофа, которую пережило человечество, а именно – авария на Чернобыльской АЭС, была связана с нарушением этого «этического кодекса».

На этом стоит остановиться подробнее.

Я пересказываю главу из книги Дитриха Дернера «Логика неудач». Из его анализа становится ясно, что причиной аварии была отнюдь не низкая подготовка персонала. Напротив. Правильнее было бы сказать, что настоящей причиной была как раз высокая квалификация (если бы квалификация персонала была бы низкой, ничего подобного случиться не могло). Команда была прекрасно подобрана. Она неоднократно побеждала на профессиональных конкурсах. И это чувство собственной компетентности накладывается на нелинейные процессы в сверхсложной системе. Как говорит Дернер, человеку свойственно мышление в категориях «состояний», а в системе идет непрерывный нелинейный процесс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.